

Лу Чжиянь просидел в кабинете весь день. Документы лежали на столе высокой стопкой. Придирки партнёров, расчёты боковых ветвей семьи, открытые и скрытые атаки в бизнесе — всё это довело его до крайнего раздражения.

Тяжёлые шторы были задёрнуты почти полностью, оставляя только узкую щель. Серый дневной свет просачивался внутрь и делал атмосферу кабинета ещё более тяжёлой.

Лу Чжиянь сжал переносицу. Пальцы напряглись до побелевших костяшек. Холодные феромоны бесконтрольно расходились вокруг; казалось, даже край деревянного стола пропитался их ледяным ощущением, а весь кабинет наполнился давящей тяжестью.

Кресло стояло у панорамного окна. Лу Чжиянь смотрел на серое небо, где осенний ветер гнал сухие листья и бросал их в стекло с тихим шорохом. Раздражение внутри никуда не уходило.

Он всегда легко держал всё под контролем, но сейчас впервые чувствовал, насколько беспорядочны его мысли. Давление постоянной игры в инвалида и необходимость шаг за шагом просчитывать каждое действие лежали на груди тяжёлым камнем, мешая даже дышать.

Лу Чжиянь намеренно расслабил ноги, сохраняя привычную позу человека, который бессильно опирается на кресло. Пальцы при этом бессознательно тёрли деревянный подлокотник, постепенно нагревая его.

В дверь дважды тихо постучали. Настолько осторожно, словно человек снаружи боялся потревожить хозяина, но ещё больше боялся наказания за то, что не постучал.

— Войдите.

Голос Лу Чжияня был полон подавленного раздражения и холоден, как лёд. В тишине кабинета он прозвучал особенно резко.

Дверь осторожно открылась. Су Няньань вошёл с чашкой тёплой воды.

Его прислал старый дворецкий. Су Няньань страшно нервничал и ступал так легко, что подошвы почти не шуршали по ковру. Он боялся ещё сильнее рассердить человека в кабинете.

На нём была всё та же светлая рубашка, выстиранная до белизны; на манжетах уже выбились тонкие нитки. Худой Су Няньань казался особенно маленьким посреди огромного роскошного кабинета — словно пылинка, случайно упавшая на дорожную парчу.

Он держал голову опущенной и смотрел только на шерстяной ковёр под ногами. Медленно подошёл к столу и осторожно поставил чашку рядом с рукой Лу Чжияня. Дно едва коснулось дерева, издав совсем тихий звук.

— Господин, ваша вода.

Голос был лёгким, как перо, с природной мягкостью омеги.

И в этот момент от Су Няньаня потянулся едва заметный чистый аромат феромонов. Ни резкости, ни насыщенности — словно запах белого чая в горах после дождя: прозрачный, мягкий, почти незаметно проникший в дыхание Лу Чжияня.

Его напряжённое тело вдруг замерло.

Раздражение, ещё секунду назад давившее так, что было трудно дышать, неожиданно немного отступило под этим лёгким ароматом.

Плечи и спина сами собой расслабились, сжатый кулак чуть разжался, даже жёсткая линия подбородка на мгновение стала мягче.

Ощущение было странным. Ничего подобного Лу Чжиянь прежде не испытывал.

Обычно феромоны омег вызывали у него отвращение. Они казались липкими, намеренными, полными нарочитого желания понравиться.

Но феромоны Су Няньаня были другими — настолько лёгкими, что их едва удавалось уловить, чистыми и мягкими, как струя свежего воздуха. Они незаметно проходили сквозь его раздражение и почему-то дарили ощущение покоя.

Лу Чжиянь слегка нахмурился. Внутри моментально поднялось сопротивление.

Как он вообще мог испытывать нечто подобное из-за бесполезной декорации, пешки, присланной семьёй Су? Это было слишком нелепо. И слишком похоже на потерю контроля.

Он привык держать всё в своих руках и не позволял ни людям, ни обстоятельствам влиять на собственные эмоции. Тем более такому ничтожному омеге, как Су Няньань.

Аромат, который только что успокаивал его, мгновенно превратился в глазах Лу Чжияня в виновника этого опасного ощущения потери контроля.

Он силой подавил странный покой. Лицо тут же потемнело, а давление его феромонов снова стало ледяным — даже сильнее, чем прежде. Казалось, воздух в кабинете застыл.

Лу Чжиянь резко повернул голову и уставился на Су Няньаня тёмными глазами. Взгляд был полон холодного отторжения и раздражения, словно перед ним снова стояла надоевшая вещь.

— Кто позволил тебе распускать феромоны?

Су Няньань вздрогнул от неожиданно резкого голоса. Всё тело застыло, лицо побледнело, пальцы задрожали.

Он вовсе не выпускал феромоны намеренно. Его собственный запах и без того был очень слабым; просто Су Няньань слишком нервничал, сердце билось быстро, и наружу случайно просочилась едва заметная струйка, которую он даже сам не почувствовал.

Он поспешно опустил голову и крепко сжал край рубашки обеими руками, сминая ткань.

— Про... простите. Я не специально, — дрожащим голосом выговорил он.

Су Няньань совершенно растерялся. Ему казалось, что он опять что-то сделал не так и довёл Лу Чжияня до ярости. Было и страшно, и обидно. Глаза снова покраснели, но он мог только извиняться, не смея поднять голову.

Глядя, как Су Няньань испуганно дрожит, Лу Чжиянь насильно загнал странное чувство покоя в самую глубину души и отказался его признавать. Он убедил себя, что недавняя реакция была лишь иллюзией — мгновенным помутнением от постоянной усталости.

— Вон отсюда.

Ледяные слова упали без всякого тепла, словно сосулька вонзилась Су Няньаню в сердце.

Он не посмел задержаться ни на секунду. Даже не подняв головы, быстро развернулся к выходу, словно спасаясь бегством.

У двери Су Няньань случайно ударился о косяк и тихо зашипел от боли, но останавливаться не стал. Поспешно выскочил наружу и очень осторожно прикрыл дверь, стараясь не издать ни звука.

В кабинете снова воцарилась тишина. Лёгкий аромат белого чая постепенно исчез, а раздражение Лу Чжияня вновь поднялось — теперь даже сильнее прежнего.

Он взял стоявшую на столе чашку и сделал глоток воды. Прохлада скользнула по горлу, будто могла подавить странность внутри. Но недавнее ощущение покоя осталось, словно тонкая заноза, от которой невозможно избавиться.

Лу Чжиянь крепко сжал чашку, костяшки побелели, стекло под ладонью даже чуть нагрелось. Лицо стало пугающе холодным.

Он повторял себе: это всего лишь иллюзия, мгновенная слабость.

Он не позволит Су Няняню влиять на себя. Никогда не испытает к этой декорации никаких лишних чувств.

Любое непроизвольное спокойствие он силой подавит и спрячет под холодной маской, не оставив снаружи ни малейшего следа.

<http://bllate.org/book/20587/2058867>